

БОЛЬШОЙ  
РОМАН

КНИГИ ДЖОНА ИРВИНГА,  
опубликованные Издательской Группой  
«Азбука-Аттикус»

Мир глазами Гарпа

Отель «Нью-Гэмпшир»

Правила виноделов

Молитва об Оуэне Мини

Сын цирка

Мужчины не ее жизни

Последняя ночь  
у Извилистой реки

*Дорога тайн*

ДЖОН ИРВИНГ

ДОРОГА  
ТАЙН

Издательство «Иностранка»  
МОСКВА

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-44  
И 78

John Irving  
AVENUE OF MYSTERIES  
Copyright © 2015 by Garp Enterprises, Ltd.  
All rights reserved

Перевод с английского Игоря Куберского

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-16648-6

© И. Ю. Куберский, перевод, 2020  
© И. В. Стефанович, примечания, 2020  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2020  
Издательство ИНОСТРАНКА®

*Мартину Беллу  
и Мэри Эллен Марк.  
То, что мы начали вместе,  
давайте вместе и закончим.*

*Также Минни Доминго  
и Рику Данселу  
и их дочери Николь Дансел  
в благодарность за то,  
что показали мне Филиппины.*

*И моему сыну Эверетту,  
моему переводчику в Мексике,  
а также Карине Хуарес,  
нашему гиду в Оаксаке, —  
dos abrazos muy fuertes<sup>1</sup>*

---

<sup>1</sup> *Здесь: крепко обнимаю обоих (исп.).*

Брось напрасные скитанья,  
Все пути ведут к свиданью...

*Уильям Шекспир.  
Двенадцатая ночь  
(перев. Э. Линецкой)*

## ПОТЕРЯННЫЕ ДЕТИ

При случае Хуан Диего говорил: «Я мексиканец — я родился в Мексике, я вырос там». Позднее он взял за правило говорить: «Я американец — я прожил в Соединенных Штатах сорок лет». Или же, дабы уйти от темы национальности, Хуан Диего любил говорить: «Я со Среднего Запада, — вообще-то, я из Айовы».

Он никогда не говорил, что он мексикано-американец. Дело было не только в том, что Хуану Диего не нравился такой ярлык, а это, по его мнению, и был ярлык, что ему действительно не нравилось. Хуан Диего полагал, что принято считать, будто для американцев с мексиканским прошлым характерно нечто общее, а он не мог найти общий язык со своим собственным прошлым; по правде говоря, он и не искал его.

Хуан Диего говорил, что у него было две жизни — две отдельные и совершенно разные жизни. Мексиканский опыт был его первой жизнью, когда он был ребенком и подростком. После того как он покинул Мексику — куда никогда не возвращался, — у него была вторая жизнь, с американским, то есть жителя Среднего Запада, опытом. (К тому же не заявлял ли он, что, грубо говоря, во второй жизни у него было не так уж много событий?)

Хуан Диего всегда утверждал, что в своих мыслях, то бишь в воспоминаниях, а также и в мечтах, он жил и переживал две свои жизни на «параллельных путях».

Близкий друг Хуана Диего — она же его врач — подтрунивала над ним по поводу так называемых параллельных пу-

тей. Она постоянно говорила ему, что он либо ребенок из Мексики, либо взрослый из Айовы. Хуан Диего мог, когда нужно, поспорить, но тут он с ней соглашался.

До того как бета-блокаторы вмешались в его сны, Хуан Диего говорил своему дорогому врачу, что прежде он просыпался даже от самого «безобидного» из своих повторяющихся кошмаров. Кошмар, о котором шла речь, по сути, был обязан тому памяtnому утру, когда Хуан Диего стал калекой. Честно говоря, только начало этого кошмара или воспоминания было безобидным — само же несчастье произошло в Оахаке (Мексика), в районе городской свалки, в 1970 году, когда Хуану Диего было четырнадцать лет.

В Оахаке он был тем, кого называли «дитя свалки» (*un niño de la basura*); он жил в лачуге в Герреро, поселении для семей, которые работали на свалке (*el basurero*). В 1970 году в Герреро проживало всего десять семей. В то время в городе Оахака жило около ста тысяч человек; многие из них не знали, что сбором и сортировкой мусора на *basurero* занимались в основном дети свалки. Детям был поручен отбор стекла, алюминия и меди.

Те, кто знал, чем занимаются дети свалки, называли их *los pepenadores* — «мусорщики». В четырнадцать лет таким мусорщиком был Хуан Диего: дитём свалки и мусорщиком. Но мальчик также был читателем; говорили, что *un niño de la basura* сам научился читать. Как правило, дети свалки не самые заядлые читатели, и среди юных читателей любой крови, где бы они ни родились, редко бывают самоучки. Эти разговоры и привели к тому, что иезуиты, которые так высоко ставили образование, услышали о мальчике из Герреро. Два старых священника-иезуита из храма Общества Иисуса называли Хуана Диего «читателем свалки».

— Надо принести читателю свалки хорошую книгу, а то и две, — бог знает, что за чтиво может попасться мальчику на *basurero*! — говорил либо отец Альфонсо, либо отец Октавио. Когда один из этих двух старых священников говорил: «надо» что-то сделать, — именно брат Пепе всегда был тем, кто всегда это и делал. А Пепе был заядлым читателем.



Во-первых, у брата Пепе была машина, и, поскольку он приехал из города Мехико, передвигаться по Оахаке было для него, в общем, несложно. Пепе был учителем в иезуитской школе; эта школа уже давно преуспевала — все знали, что среди действующих школ «Общество Иисуса» на хорошем счету. С другой стороны, иезуитский приют был относительно новым учреждением (прошло менее десяти лет с тех пор, как под него переоборудовали бывший монастырь), и не все были в восторге от названия приюта — «Hogar de los Niños Perdidos» звучало для некоторых слишком длинно и отчасти сурово.

Но брат Пепе вложил свое сердце в школу и приют; со временем большинство из тех чутких душ, которые возражали против самого словосочетания «Дом потерянных детей», несомненно, признают, что, помимо всего прочего, иезуиты довольно хорошо вели и дела приюта. Кроме того, все уже сократили название этого места до «Потерянные дети». Лишь одна из монахинь, которая присматривала за детьми, не очень-то церемонилась с этим названием, но справедливости ради надо отметить, что, когда сестре Глории случилось цедить сквозь зубы: «Los perdidos», она, должно быть, имела в виду лишь парочку непослушных детей, а не всех сирот, — наверняка слово «потерянные» в устах старой монахини относилось лишь к нескольким детям из тех, кто доводил ее до белого каления.

К счастью, не сестра Глория приносила на *basurero* книги для юного читателя свалки; если бы Глория выбирала и доставляла книги, история Хуана Диего могла бы закончиться, так и не начавшись. Но брат Пепе ставил чтение книг превыше всего; он и иезуитом стал потому, что иезуиты приучили его к чтению и представили Иисусу, впрочем, не обязательно именно в такой последовательности. Лучше было не спрашивать у Пепе, в чем он обрел спасение — в вере или в чтении — и в чем больше.

В свои сорок пять лет он был слишком толстым. «Выгляжу как херувим, если не как небесное существо» — так описывал себя брат Пепе.

Пепе был сама добродетель. Он воплощал в жизнь изречение святой Терезы из Авилы: «От глупых молитв и святых с кислыми минами, Господи, избавь нас». Он сделал эти святые ее слова главными в своих ежедневных молитвах. Неудивительно, что дети любили его.

Но брат Пепе никогда прежде не был на *basurero* Оахаки. В те дни там, на свалке, сжигали все, что только можно; повсюду были костры. (Для разжигания годились и книги.) Когда Пепе вышел из своего «фольксвагена-жука», запах *basurero* и жар костров напомнили ему ад в его представлении — только он не представлял себе, что там работают дети.

На заднем сиденье маленького «фольксвагена» лежали очень хорошие книги — хорошие книги, которые в настоящий момент Пепе держал в руках, были лучшей защитой от зла. Разве удержишь в руках веру в Иисуса, а вот хорошие книги — вполне.

— Я ищу здесь читателя книг, — сказал Пепе работникам свалки, как взрослым, так и детям.

*Los pepenadores*, мусорщики, с нескрываемым презрением посмотрели на Пепе. Было совершенно очевидно, что чтение у них не в чести. Первым ему ответил один из взрослых, а точнее женщина, возраста Пепе или чуть моложе, вероятно мать одного или нескольких мусорщиков. Она сказала Пепе, что ему нужен Хуан Диего, которого следует искать в Герреро — в лачуге *el jefe*<sup>1</sup>.

Брат Пепе был сбит с толку; возможно, он неправильно ее понял. *El jefe* был хозяином свалки — он был главным на *basurero*. Не сынок ли хозяина этот читатель? — спросил Пепе работницу.

Несколько детей свалки засмеялись, а потом отвернулись. Взрослым это не показалось смешным, а женщина только и сказала: «Не совсем». Она указала в сторону Герреро, который был расположен на склоне холма ниже *basurero*. Лачуги в поселении были собраны из материалов, най-

---

<sup>1</sup> Босс (*исп.*).

денных работниками на свалке, а лачуга *el jefe* находилась с краю — ближе к свалке.

Высоко над *basurero* стояли столбы дыма — черные колонны достигали неба. Над головой кружили стервятники, но Пепе видел, что падальщики есть и внизу; повсюду на *basurero* рыскали собаки, обходя стороной адские огни и неохотно уступая дорогу водителям в грузовиках, но едва ли еще кому, кроме них. Собаки были непростым соседством для детей, потому что и те и другие рылись в мусоре — разве что искали разное. (Собак не интересовали стекло, алюминий или медь.) Собаки на свалке были в основном бездомными, а некоторые там и дошли.

Пепе недолго пробыл возле *basurero*, иначе бы обнаружил мертвых собак или увидел бы, что с ними делают: их сжигали, но не всегда до того, как стервятники обнаруживали падаль.

В Герреро на склоне холма Пепе увидел еще собак. Это были домашние собаки, принадлежавшие тем, кто работал на *basurero* и жил в поселении. Пепе отметил, что собаки в Герреро выглядели упитаннее и более ревностно охраняли свою территорию, чем собаки на свалке. Они больше походили на обычных собак — были более резвыми и агрессивными, чем собаки на свалке, которые, как правило, вели себя приниженно и воровато, хотя у собак свалки были свои хитрые приемы контролировать территорию.

В общем, считал Пепе, не хотелось бы быть укушенным собакой с *basurero* или из Герреро. В конце концов, большинство собак в Герреро были взяты со свалки.

Брат Пепе отвозил больных из «Дома потерянных детей» на осмотр к доктору Варгасу в больницу Красного Креста на Армента-и-Лопес; Варгас сделал своим приоритетом лечение в первую очередь детей из приюта и детей со свалки. Доктор Варгас говорил Пепе, что дети-мусорщики на *basurero* больше всего подвергаются опасности из-за собак и из-за игл — на свалке было много выброшенных шприцев с использованными иглами. *Un niño de la basura* может легко получить укол старой иглой.

— Гепатит В или С, столбняк — не говоря уже о какой угодно форме бактериальной инфекции, — сказал доктор Варгас Пепе.

— Полагаю, — сказал брат Пепе, — что любая собака и на *basurero*, и в Герреро может оказаться бешеной.

— Просто детям свалки надо делать прививки от бешенства, на случай если одна из этих собак покусает их, — сказал Варгас. — Но эти дети больше всего боятся игл. Они боятся тех старых игл, которых и *надо* бояться, но из-за этого они боятся прививок! В случае собачьего укуса дети свалки больше боятся прививки, чем бешенства, а это неправильно.

Пепе считал Варгаса хорошим человеком, хотя Варгас был человеком науки, а не верующим. (Пепе знал, что с духовной точки зрения Варгас, мягко говоря, мог быть упертым до занудства.)

Размышляя об опасности бешенства, Пепе вышел из своего «фольксвагена» и направился к лачуге *el jefe* в Герреро; руки Пепе плотно обхватывали стопку хороших книг, которые он принес для «читателя свалки», и он настороженно поглядывал на всех этих лающих и недружелюбно настроенных собак.

— *Hola!*<sup>1</sup> — крикнул толстяк-иезуит в сетчатую дверь хижины. — У меня книги для Хуана Диего-читателя — *хорошие* книги!

Из лачуги *el jefe* послышалось злобное рычание, и он отступил от двери.

Женщина, работавшая на *basurero*, что-то говорила ему про хозяина свалки — про самого *el jefe*. Она назвала его имя. «Вы без труда узнаете Риверу, — сказала женщина Пепе. — У него самый страшный пес».

Но брат Пепе не мог видеть пса, который так злобно рычал в лачуге за дверью с сеткой. Он отступил еще на шаг от двери, которая внезапно открылась, явив его глазам отнюдь не Риверу или кого-то похожего на хозяина свалки. Мало-

---

<sup>1</sup> Привет! (*исп.*)

рослая хмурая личность в дверях лачуги *el jefe* не была также и Хуаном Диего, а лишь темноглазой девочкой диковатого вида. Это была тринадцатилетняя Лупе, младшая сестра читателя свалки. То, что говорила Лупе, звучало совершенно непонятно — во всяком случае, было мало похоже на испанский. Только Хуан Диего мог понять ее; он был переводчиком своей сестры, ее толкователем. Странная же речь Лупе была не самой большой ее загадкой; девочка читала чужие мысли. Лупе знала, о чем вы думаете, — а иногда она знала о вас даже больше вас самих.

— Это какой-то тип с кучей книг! — крикнула Лупе в лачугу, вызвав тем самым целую какофонию грозных лающих звуков, издаваемых невидимой собакой. — Он иезуит и учитель — один из добротворцев «Дома потерянных детей». — Лупе сделала паузу, читая мысли брата Пепе, который пребывал в состоянии легкого замешательства. Пепе не понял ни слова из того, что она сказала. — Он думает, что я умственно отсталая. Он боится, что приют не примет меня — иезуиты посчитают меня необучаемой! — сообщила Лупе Хуану Диего.

— Она не умственно отсталая! — выкрикнул мальчик откуда-то из лачуги. — Она все понимает!

— Полагаю, я ищущего твоего брата? — спросил иезуит девочку.

Пепе улыбнулся ей, и она кивнула; Лупе видела, что он вспотел от титанического усилия не уронить книги.

— Иезуит приятный — просто толстоватый, — доложила девочка Хуану Диего.

Она шагнула обратно в лачугу, придерживав для брата Пепе дверь, в которую тот осторожно вошел; он искал глазами рычащую, но невидимую собаку.

Мальчик, тот самый читатель со свалки, был едва различим среди окружавших его книжных полок, которые выглядели лучше всего прочего, включая саму лачугу, — дело рук *el jefe*, догадался Пепе. Юный читатель явно не был плотником. Как и многие его однолетки, только серьезные и чи-

тающие, Хуан Диего производил впечатление мечтательного мальчика; он был очень похож на свою сестру, и оба они напоминали Пепе кого-то. В тот момент вспотевший иезуит не мог сообразить, кого именно.

— Мы оба похожи на нашу мать, — сказала ему Лупе, потому что знала мысли гостя.

Хуан Диего, лежавший на продавленном диване с открытой книгой на груди, на сей раз не перевел слова ясновидящей Лупе; юный читатель решил оставить иезуитского учителя в неведении.

— Что ты сейчас читаешь? — спросил мальчика брат Пепе.

— Нашу местную историю — можно сказать, церковную историю, — ответил Хуан Диего.

— Скучота, — сказала Лупе.

— Лупе говорит, что книга скучная, — я думаю, что да, скучноватая, — согласился мальчик.

— Лупе тоже читает? — спросил брат Пепе.

Роль стола возле дивана исполнял кусок фанеры на двух оранжевых ящиках, по виду довольно надежное сооружение. Пепе вывалил на него горку своих книг.

— Я читаю ей вслух — все подряд, — сказал Хуан Диего учителю и поднял свою книгу. — Эта книга о том, что вы пришли третьими, — объяснил Хуан Диего. — И августинцы, и доминиканцы пришли в Оахаку раньше иезуитов — вы оказались в городе третьими. Может быть, поэтому иезуиты не такие влиятельные в Оахаке, — продолжал мальчик. (Для брата Пепе это прозвучало поразительно знакомо.)

— И Дева Мария притесняет Богоматерь Гваделупскую — Дева Мария и Богоматерь Одиночества обирают ее, — непонятно забубнила Лупе. — *La Virgen de la Soledad* — это такая местная героиня в Оахаке, Дева Одиночества и ее дурацкая история про *burro*!<sup>1</sup> *Nuestra Señora de la Soledad* также обирает Гваделупскую Деву. А я гваделупская девочка! — сказала Лупе, указывая на себя; похоже, ее это злило.

---

<sup>1</sup> Осел (исп.).

Брат Пепе посмотрел на Хуана Диего, который, казалось, был сыт по горло распрями Дев, но перевел все это.

— Мне знакома эта книга! — воскликнул Пепе.

— Ну, я не удивлен — это одна из ваших, — сказал Хуан Диего и протянул Пепе книгу, которую читал.

От старой книги сильно несло запахом *basurero*, и некоторые страницы опалил огонь. Это был академический том — из тех католических научных трудов, которые почти никто не читает. Книга попала на свалку из собственной библиотеки иезуитов в бывшем монастыре, теперь именуемом «Hogar de los Niños Perdidos». Многие из старых и нечитаемых книг оказались на свалке, когда монастырь был реконструирован, дабы принять сирот и освободить место на книжных полках иезуитской школы.

Без сомнения, это отец Альфонсо или отец Октавио решали, какие книги стоит отправить на *basurero*, а какие сохранить. История иезуитов, которые лишь третьими появились в Оахаке, возможно, не устраивала двух старых священников, подумал Пепе; кроме того, книга, видимо, была написана августинцем или доминиканцем — во всяком случае, не иезуитом, и уже одно это могло обречь ее на адский огонь *basurero*. (Иезуиты действительно уделяли главное внимание образованию, но никто никогда не говорил, что они не конкурентоспособны.)

— Я принес вам несколько книг, которые более читабельны, — сказал Пепе Хуану Диего. — Несколько романов, придуманные истории — то есть беллетристику, — ободряюще сказал он.

— Не знаю, что и думать о беллетристике, — с сомнением произнесла тринадцатилетняя Лупе. — Там не все истории такие, какими им следует быть.

— Не надо было с этого начинать, — сказал ей Хуан Диего. — История про собаку слишком взрослая для тебя.

— Какая история про собаку? — спросил брат Пепе.

— Не спрашивайте, — ответил мальчик, но было слишком поздно; Лупе уже всю рылась в книгах на полках — они были везде, книги, спасенные от огня.

— Это того русского, — с озабоченным видом сказала девочка.

— Она говорит «русского» — но ведь ты не читаешь по-русски, верно? — спросил Пепе Хуана Диего.

— Нет-нет, она имеет в виду писателя. Это писатель русский, — пояснил мальчик.

— Как ты ее понимаешь? — спросил его Пепе. — Иногда я не уверен, что она говорит по-испански.

— Конечно, это испанский! — воскликнула девочка. Она нашла книгу, которая заставила ее усомниться в придуманных историях и в беллетристике, и передала ее брату Пепе.

— Просто язык Лупе немножко особенный, — сказал Хуан Диего. — Я его понимаю.

— Ага, так вот какой русский, — сказал Пепе.

Это был сборник Чехова, „Дама с собачкой“ и другие рассказы».

— Там совсем не про собаку, — пожаловалась Лупе. — Там про мужчину и женщину, которые занимаются сексом друг с другом, хотя они не муж и жена.

Хуан Диего, конечно, перевел это.

— Ее волнуют только собаки, — пояснил мальчик иезуиту Пепе. — Я сказал ей, что для нее это слишком взрослая история.

Пепе затруднялся вспомнить «Даму с собачкой», не говоря уже, разумеется, о самой собачке. Это была история о непристойных отношениях — вот все, что он вызволил из памяти.

— Я не уверен, что вам обоим это подходит, — сказал учитель-иезуит и неловко хохотнул.

Именно в этот момент Пепе осознал, что перед ним английский перевод рассказов Чехова, американское издание; книга была опубликована в 1940-х годах.

— Но это же на английском языке! — воскликнул брат Пепе. — Ты понимаешь по-английски? — спросил он диковатого вида девочку. — Ты умеешь читать и по-английски? — спросил иезуит читателя свалки.



Мальчик и его младшая сестра пожали плечами. «Где я видел раньше, чтобы так пожимали плечами?» — подумал про себя Пепе.

— У нашей матери, — ответила ему Лупе, но Пепе не смог понять ее слов.

— Что насчет нашей матери? — спросил Хуан Диего сестру.

— Его заинтересовало, как мы пожимаем плечами, — ответила Лупе.

— Ты научился читать и по-английски, — медленно сказал Пепе мальчику, а из-за девочки его вдруг непонятно по какой причине пробрала дрожь.

— Английский просто немножко другой — я могу его понять, — ответил мальчик, как будто он все еще говорил о понимании странного языка своей сестры.

Мысли Пепе мчались, опережая одна другую. Это были необычные дети — мальчик мог читать все что угодно; возможно, он был способен понять любые книги. А девочка — ну, она была особенной. Заставить ее нормально говорить было бы непросто. Но разве они, эти дети свалки, не те одаренные ученики, которых искала иезуитская школа? И разве работница с *basurero* не сказала, что Ривера, *el jefe*, «не совсем» отец юного читателя? Кто же был их отец и где он? И никаких признаков матери в этой запущенной развалюхе, размышлял Пепе. Полки были сработаны как надо, но все остальное было ветхим хламом.

— Скажи ему, что мы не потерянные дети — он ведь нашел нас, верно? — заявила вдруг Лупе своему талантливому брату. — Скажи ему, что мы не сырье для приюта. И мне не нужно говорить нормально — ты меня и так прекрасно понимаешь. Скажи ему, что у нас есть мать, — он, наверное, знает ее! — крикнула Лупе. — Скажи ему, что Ривера нам как отец, только лучше. Скажи ему, что *el jefe* лучше любого отца!

— Не тараторь, Лупе! — остановил ее Хуан Диего. — Я ничего не смогу ему сказать, если ты будешь так тараторить.

Много чего тут можно было поведать брату Пепе, начиная с того, что Пепе, вероятно, знал мать детей свалки: она работала по ночам на улице Сарагоса, но также и на иезуитов; она была у них основной уборщицей.

То, что мать детей свалки работала ночами на улице Сарагоса, означало, что, скорее всего, она проститутка, и брат Пепе действительно знал ее. Эсперанса была лучшей уборщицей у иезуитов — понятно, в кого у детей темные глаза и эта привычка беззаботно пожимать плечами, хотя оставалось неясным, откуда в мальчике этот читательский гений.

Что характерно, мальчик не использовал выражение «не совсем», когда говорил о Ривере, *el jefe*, как о потенциальном отце. Как сказал Хуан Диего, хозяин свалки, «вероятно, не был» его отцом, однако Ривера мог бы и быть отцом мальчика — там еще прозвучало слово «возможно»; именно так Хуан Диего и выразился. Что касается Лупе, *el jefe* «определенно не был» ее отцом. По мнению Лупе, у нее было много отцов, «слишком много отцов, чтобы назвать всех», но мальчик и вовсе не стал останавливаться на этой биологической несурзости, быстро перескочив через нее. Он просто сказал, что Ривера и их мать «уже не были вместе в определенном смысле», когда Эсперанса забеременела Лупе.

Это был довольно неторопливый и пространный рассказ о том, какие были впечатления у читателя свалки и у Лупе о хозяине свалки, который «как отец, только лучше», и о том, что эти дети свалки считали себя обладателями собственного дома. Хуан Диего повторил вслед за Лупе, что они «не сырье для приюта». Чуть рисуясь, Хуан Диего высказался по этому поводу следующим образом:

— Мы никакие не потерянные дети, ни сейчас, ни в будущем. У нас здесь, в Герреро, есть дом. У нас есть работа на *basurero*!

Но это вызвало у брата Пепе вопрос, почему они не работают на *basurero* вместе с *los pepenadores*. Почему Лупе и Хуан Диего не роятся в мусоре вместе с другими детьми? И как с ними обращаются — лучше или хуже, чем с детьми

из других семей, которые работают на *basurero* и живут в Герреро?

— Лучше и хуже, — без колебаний сказал Хуан Диего учителю-иезуиту.

Брат Пепе вспомнил, какое презрение к слову «читатель» выразилось на лицах других детей свалки, и только Бог знал, за кого эти маленькие мусорщики принимали диковатую загадочную девочку, от которой у Пепе мурашки бежали по спине.

— Ривера не отпустит нас из лачуги, пока он с нами, — объяснила Лупе.

Хуан Диего не только перевел ее слова; он подробно остановился на этой теме.

Ривера действительно защищал их, сказал мальчик брату Пепе. *El jefe* был и как отец, и лучше, чем отец, потому что он содержал их и присматривал за ними.

— И он никогда не бьет нас, — перебила его Лупе; Хуан Диего послушно перевел и это.

— Понимаю, — сказал брат Пепе.

Но он только теперь начал понимать положение брата и сестры: действительно, лучше было то, что им не приходилось, как другим детям, копаться в хламе на *basurero*, отыскивая и сортируя нужное. А хуже было то, что Лупе и Хуан Диего вызывали в Герреро возмущение у мусорщиков и их семей. Эти двое детей свалки, возможно, получали защиту от Риверы (почему и вызывали возмущение), но *el jefe* был не совсем их отцом. А их мать, работавшая ночами на улице Сарагоса, была проституткой, которая на самом деле не жила в Герреро.

Везде своя неофициальная иерархия, с грустью подумал брат Пепе.

— Что такое иерархия? — спросила своего брата Лупе. (Только теперь Пепе начал понимать, что девочка знала, о чем он думает.)

— Неофициальная иерархия — это то, что другие *niños de la basura* считают себя выше нас, — сказал Хуан Диего сестре.

— Совершенно верно, — сказал Пепе, чувствуя себя не в своей тарелке.

Он явился сюда, чтобы встретиться с читателем свалки, мальчиком из Герреро, о котором было столько слухов, — встретиться и как хороший учитель передать ему правильные книги, а в результате оказалось, что ему самому, иезуиту Пепе, следует многому научиться.

Именно в этот момент и обнаружила себя постоянно скулящая, но невидимая собака, если так можно было назвать юркое маленькое существо, выползшее из-под дивана, похожее скорее на кого-то из грызунов, чем из псовых, подумал Пепе.

— Его зовут Грязно-Белый — он собака, а не крыса! — с возмущением сказала Лупе брату Пепе.

Хуан Диего объяснил это, но добавил:

— Грязно-Белый — маленький грязный трус, притом неблагодарный.

— Я спасла его от смерти! — крикнула Лупе.

Даже когда тощий, скукоженный песик подался к протянутым рукам девочки, он непроизвольно оскалился, обнажив острые зубки.

— Его следовало бы назвать Спасенным-от-смерти, а не Грязно-Белым, — смеясь, сказал Хуан Диего. — Она нашла его, когда он застрял головой в коробке из-под молока.

— Он всего лишь щеночек. Он голодал, — запротестовала Лупе.

— Грязно-Белый все еще голодает, ему чего-то не хватает, — сказал Хуан Диего.

— Замолчи, — велела ему сестра; щенок дрожал у нее на руках.

Пепе попытался скрыть свои мысли, но это было сложнее, чем он себе представлял; он решил, что лучше ему уйти, пусть даже резко, чем позволить ясновидящей девочке читать его мысли. Пепе не хотел, чтобы тринадцатилетнее невинное дитя знало, о чем он думает.

Он направился к своему «фольксвагену». Покидая Герреро, иезуитский учитель так и не обнаружил ни призна-

ков Риверы, ни «самой страшной» собаки *el jefe*. Вокруг него над *basurero* поднимались шпили черного дыма, вроде самых черных мыслей добросердечного иезуита.

Отец Альфонсо и отец Октавио смотрели на мать Хуана Диего и Лупе — Эсперансу, проститутку, — как на «падшую». В представлении двух старых священников не было падших душ, которые упали бы ниже проститутки; не было более жалких и потерянных созданий Божьих среди представителей человеческого рода, чем эти несчастные женщины. Иезуиты наняли Эсперансу уборщицей в якобы святой попытке *спасти* ее.

Но разве эти дети свалки также не нуждаются в спасении? — думал Пепе. Разве *los niños de la basura* не «падшие» или разве в будущем им не угрожает падение? Или просто в дальнейшем?

Когда этот мальчик из Герреро стал взрослым и жаловался своему врачу на бета-блокаторы, рядом с ним должен был бы стоять брат Пепе; Пепе дал бы свидетельские показания относительно детских воспоминаний Хуана Диего и его самых дерзновенных мечтаний. Брат Пепе знал, что даже кошмары этого читателя свалки стоили того, чтобы их сохранить.

Когда эти дети едва вошли в подростковую пору, самый повторяющийся сон Хуана Диего не был кошмаром. Мальчик часто летал во сне — хотя не совсем так. Это был своеобразный и неудобный вид воздухоплавания, мало походивший на «полеты». Сон всегда был один и тот же: люди в толпе смотрели вверх и видели, что Хуан Диего ходит по небу. Снизу — то есть с земли — казалось, что мальчик очень осторожно идет по небесам вниз головой. (Также казалось, что он считает про себя.)

В движении Хуана Диего по небу не было ничего непроизвольного — он не летал свободно, как птица; ему не хватало мощной, прямолинейной тяги самолета. Тем не менее в этом часто повторяющемся сне Хуан Диего знал, что он

там, где ему и место. С его перевернутой с ног на голову небесной точки зрения, он мог видеть встревоженные, запрокинутые вверх лица в толпе.

Описывая Лупе свой сон, мальчик также говорил своей странной сестре:

— В жизни иногда наступает момент, когда нужно отпустить то, за что держишься обеими руками. «В жизни наступает момент, когда ты должен отпустить руки — обе руки».

Естественно, для тринадцатилетней девочки это оставалось непонятным — как было бы непонятным даже для нормальной девочки. Ответ Лупе звучал невразумительно даже для Хуана Диего.

Однажды, когда он спросил ее, что она думает о его сне, в котором он ходит вверх ногами по небесам, Лупе ответила, как обычно, загадочно, хотя Хуан Диего, по крайней мере, точно уловил ее слова.

— Это сон о будущем, — сказала девочка.

— О чем будущем? — спросил Хуан Диего.

— Надеюсь, не о твоём, — еще более загадочно ответила его сестра.

— Но я люблю этот сон! — сказал мальчик.

— Это сон о смерти, — вот и все, что сказала Лупе.

Но теперь, уже пожилым, Хуан Диего из-за приема бета-блокаторов утратил свой детский сон, в котором он ходит по небу, и не мог заново пережить кошмар того давнего утра в Герреро, когда он стал калекой. Читателю свалки не хватало этого кошмара.

Он пожаловался своему врачу.

— Эти бета-блокаторы блокируют мои воспоминания! — воскликнул Хуан Диего. — Они крадут мое детство — они грабят мои сны!

Для его врача вся эта истерия означала, что Хуану Диего не хватало адреналина. (Бета-блокаторы действительно влияют на уровень адреналина.)

Его доктор, деловитая женщина по имени Розмари Штайн, была близким другом Хуана Диего в течение два-

дцати лет; она была знакома с его жалобами, которые относилась к преувеличениям истерического свойства.

Доктор Штайн прекрасно знала, почему назначила бета-блокаторы Хуану Диего: ее дорогой друг рисковал получить инфаркт. У него было не только весьма высокое давление (170 на 100), но он был почти уверен, что его мать и один из его возможных отцов умерли от инфаркта; его мать — определенно от этого, еще молодой. У Хуана Диего не было недостатка в адреналине — гормоне «борьбы или бегства», который выделяется в моменты стресса, страха, бедствия и беспокойства, а также во время сердечного приступа. Кроме того, под действием адреналина кровь отливает от кишечника и прочих внутренностей и приливает к мышцам, чтобы вы смогли убежать. (Возможно, у читателя свалки было больше потребности в адреналине, чем у большинства людей.)

Бета-блокаторы не предотвращают инфаркт миокарда, объяснила доктор Штайн Хуану Диего, но эти препараты блокируют адреналиновые рецепторы и таким образом защищают сердце от потенциально разрушительного действия адреналина, выделяемого во время сердечного приступа.

— Где находятся мои чертовы адреналиновые рецепторы? — спросил Хуан Диего доктора Штайн (в шутку он называл ее «доктор Розмари»).

— В легких, в кровеносных сосудах, в сердце — почти везде, — ответила она. — Адреналин заставляет сердце биться быстрее. Дыхание затрудняется, волоски на руках встают дыбом, зрачки расширяются, сосуды сужаются — нет ничего хорошего, если у вас сердечный приступ.

— А что было бы хорошо, если у меня сердечный приступ? — спросил ее Хуан Диего. (Дети свалки настойчивы — они из разряда упрямых.)

— Чтобы сердце билось медленно, тихо и расслабленно, а не колотилось как сумасшедшее, — сказала доктор Штайн. — У человека на бета-адреноблокаторах медленный пульс; такой пульс, что бы ни случилось, не может увеличиться.

Снижение кровяного давления имеет свои последствия; человек на бета-блокаторах должен быть осторожен, не пить слишком много алкоголя, который повышает кровяное давление, но Хуан Диего и в самом деле не пил. (Ну, о'кей, он пил пиво, но только пиво — и не слишком много, подумал он.) И бета-блокаторы снижают циркуляцию крови в конечностях; руки и ноги холодеют. Тем не менее Хуан Диего не жаловался на этот побочный эффект своему другу Розмари — он даже как бы невсерьез отметил, что ощущение холода было роскошью для мальчика из Оахаки.

Некоторые пациенты на бета-адреноблокаторах жалуются на сопутствующую сонливость, усталость и непереносимость физических нагрузок, но в его возрасте — Хуану Диего было теперь пятьдесят четыре — какое это имело значение? Он был калекой с четырнадцати лет; его нагрузкой была хромота. За сорок лет он натерпелся хромоты. Хуан Диего больше не хотел никаких нагрузок!

Ему хотелось чувствовать себя более живым, а не таким «заторможенным» — слово, которое он использовал, чтобы описать действие на него бета-блокаторов, когда говорил Розмари об отсутствии у него сексуальных потребностей (в беседе с доктором Хуан Диего не использовал слово «импотент» — он ограничивался словом «заторможенный»).

— Я не знала, что у вас были сексуальные отношения, — сказала ему доктор Штайн; на самом деле она прекрасно знала, что у него не было таковых.

— Моя дорогая доктор Розмари, — сказал Хуан Диего. — Если бы у меня были сексуальные отношения, то, полагаю, я оказался бы заторможенным.

Она выписала ему рецепт на виагру — шесть таблеток в месяц, сто миллиграмм — и сказала, чтобы он экспериментировал.

— Не ждите встречи с кем-нибудь, — сказала Розмари.

Он и не ждал; он никого и не встретил, но он проверял себя.

---



## Оглавление

1. Потерянные дети .....	7
2. Мария-монстр .....	27
3. Мать и дочь .....	44
4. Разбитое боковое зеркало заднего вида .....	54
5. Не уступая ветрам .....	67
6. Секс и вера .....	80
7. Две Девы .....	96
8. Два презерватива .....	111
9. Если вам интересно узнать .....	130
10. Никаких компромиссов .....	147
11. Спонтанное кровотечение .....	159
12. Улица Сарагоса .....	174
13. Отныне и навсегда .....	191
14. Nada .....	215
15. Нос .....	236
16. Король зверей .....	259
17. Канун Нового года в «Энкантадоре» .....	288
18. Страсть берет свое .....	312
19. Диво-мальчик .....	326
20. Casa Vargas .....	349
21. Мистер идет купаться .....	375
22. Mañana .....	400
23. Не животные, не растения, не минералы .....	421
24. Бедняжка Лесли .....	437
25. Акт 5, сцена 3 .....	450

26. Рассеивание пепла .....	473
27. Нос за нос .....	494
28. Эти пристальные желтые глаза... ..	516
29. Одиночный билет в один конец .....	533
30. Посыпание пеплом .....	547
31. Адреналин .....	564
32. Это не Манильский залив .....	583
Благодарности .....	604

**Ирвинг Дж.**

**И 78** Дорога тайн : роман / Джон Ирвинг ; пер. с англ. И. Куберского. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 608 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-16648-6

Впервые на русском — новая сага о памяти и судьбе от блистательного Джона Ирвинга, автора таких всемирных бестселлеров, как «Мир глазами Гарпа» и «Отель „Нью-Гэмпшир“», «Правила виноделов» и «Сын цирка», «Молитва об Оуэне Мيني» и «Мужчины не ее жизни».

Когда Хуан Диего вырастет, он уедет в США и станет знаменитым писателем. А в мексиканском детстве судьба ведет «читателя свалки» от приюта «Дом потерянных детей» к «Дива-цирку» с его дрессированными львами и воздушными гимнастами. У Хуана Диего есть младшая сестра Лупе, и она умеет читать мысли — но только он понимает, что она говорит. «Обычно она права насчет прошлого... Будущее она читает не так точно». Ей открыты все трагедии минувшего — но она пытается предотвратить бедствие, которое еще предстоит. И вот через много лет Хуан Диего отправляется из Нью-Йорка на Филиппины, где его грезы и воспоминания наконец столкнутся с грядущим. Удивительным образом рядом с ним всегда оказывается кто-нибудь из пары таинственных красавиц, матери и дочери, встреченных им в самолете...

«От первой до последней страницы этот роман пронизан добротой и верой в любовь, в искупительную силу человечности, не скованной условностями и общественными институтами» (*The New York Times Book Review*).

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОН ИРВИНГ  
ДОРОГА ТАЙН

Ответственный редактор Александр Гузман  
Редактор Ирина Стефанович  
Художественный редактор Вадим Пожидаев  
Технический редактор Татьяна Тихомирова  
Компьютерная верстка Михаила Львова  
Корректоры Елена Терскова, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать 04.06.2020. Формат издания 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –  
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»  
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1  
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге  
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А  
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua  
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».  
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.  
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19  
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:  
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:  
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества  
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new\_authors/



Y-BRM-25109-01-R